

ального и ответственного выбора необходимых для личности детерминант. Манипуляция утрачивает отрицательный смысл, приобретая характер аутентичности личностного существования в условиях информационной повседневности.

Под воздействием манипулятивных, т.е. беспорядочных, не рассчитанных на истину в последней инстанции процессов, осуществляющихся в том числе и в СМИ, человек тренируется быть гибким, учится способности выживания без фиксации себя в каких-то жестких и не развивающихся границах, без привязанности к единственной истине. Они способствуют формированию новой поведенческой модели и новой жизненной стратегии. То и другое исходит из отрицания единственности жизненного проекта (в образовании, профессиональной деятельности, культуре) и предлагает возможность реализации многопроектности и разнонаправленности собственного выбора. Конечно, можно говорить о негативном воздействии хаотичной, неотфильтрованной цензурой информации, обрушивающейся на личность через СМИ. Можно говорить о возможности потери личностного «Я» в мультиинформационных потоках. Но только многоликость как разносторонность и полнота проявления себя всегда находила положительную аксиологическую характеристику, поскольку соответствовала подлинно человеческому способу существования как самообразования, как самостоятельного созидания себя как личности.

Каковы же причины и предпосылки становления СМИ «четвертой властью»? Во-первых, возникно-

вание общества потребления, когда СМИ стали уходить под контроль частных предпринимателей; во-вторых, формирование массовой культуры, для которой СМИ стали тиражировать образцы. Потребительская культура сформировала и потребительское поведение, не предполагающее абсолюта как идеала, но рассчитывающего на набор престижных предметов и любых символов и знаков престижа. Соответственно массовому обществу СМИ избирают методы работы, с помощью которых воздействуют на подсознательные, психические центры, где формируются массовые вкусы, интересы, увлечения, ценности. Информационная власть работает на основе принципов доходчивости, навязывания, сочетания речевой динамики, жестикюляции, образности, апелляции к эмоциям и т.п. Все это способствует тому, что СМИ становятся и политической властью. Как таковые, СМИ сегодня имеют и реализуют возможность развязывания новой формы войны – «информационной».

Актуальность взаимоотношений СМИ и политической государственной власти обуславливается тем, что СМИ, выражая постиндустриальное состояние технологии и мировоззрения, трансформирует массовое общество, приспособливает его к возможностям, не собираясь в «толпы», быть все тем же массовым. Она выполняет роль психоаналитика, формирует стандарты жизни, пропагандирует, развлекает, утешает и т.п. Эта власть несет с собой декультуризацию, утрату культурой человеческого смысла, когда культура имеет тенденцию превратиться в набор симулякров.

Литература

1. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное оправдание насилия? // Вопросы философии. 2004. № 3.
2. Федотова В.Г. Глобализация и терроризм // Космополис. 2003. № 3 (5).
3. Смирнов С.А. Бытие свободы или проблема культурной идентичности в ситуации онтологического перехода // Вопросы философии. 2004. № 6

*Т.В. Кузнецова**, *Е.Е. Ланкина***, *Е.А. Торочина***

КОНТРАДИКЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СФЕР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА: ИСКУССТВО, МАСС-МЕДИА, ОБРАЗОВАНИЕ

* Бийский лицей Алтайского края

** Томское государственное музыкальное училище

*** Бийский государственный педагогический университет

Среди общих социальных функций культуры – ценностной, коммуниктивной, регулятивной, познавательной, как правило выделяемых в современной отечественной литературе [1 и др.], – представляется важным обратить внимание на особую роль

коммуникации: социальная коммуникация не просто всецело опосредована формами, выработанными культурой; это не просто система выражения культурного смысла, предполагающая языковое пространство, и система понимания языка – смыс-

лового раскодирования выразительных форм и манифестируемых текстов. Это система взаимопонимания между людьми, которая переводит их взаимоотношения из разряда естественных ситуаций (естественного контекста) в разряд осознаваемых социальных координаций. Это система, которая, так или иначе, переводит спонтанную естественность общества – пребывания людей друг подле друга и натурального взаимодействия друг с другом – в разряд специфически организованного сообщества. Социум, на наш взгляд, – это прежде всего сообщество, скоординированное посредством структур культуры (что, конечно, не отменяет наличия его естественно-социальных предпосылок). Поэтому важно декларировать еще одну – универсальную – функцию культуры по отношению к социуму – ее собственно социогенерирующую функцию. Общество как сообщество не просто опосредуется культурными формами взаимодействия; оно порождается культурой межчеловеческих коммуникаций. Человеческое общество порождено системой общения. Таково по крайней мере общество в том сложном виде, какой мы знаем сегодня и какой, строго говоря, можем застать в любой момент истории.

Впрочем, как раз современная ситуация обнаруживает в данной идее социо- и антропогенерирующей роли культурной коммуникации серьезные противоречия. Мы сегодня имеем дело с рядом автономно сосуществующих «каналов» культурной коммуникации, каждый из которых продуцирует особое ментальное пространство, задает особые смыслообразующие векторы. Обустроенное на основе рационально-логических форм – в соответствии с реализованным Проектом Просвещения – образование контрастирует с гармонизирующими, эстетически развивающими возможностями искусства, вытесняя его на факультативную периферию. Классическое наследие искусства представляет собой антитезу популярной эстетике, присущей массовой культуре. Общедоступная легкость продукции масс-медиа, в свою очередь, агрессивно и властно конкурирует с институционализованной лабораторией образования в своем влиянии на процесс формирования сознания современного человека. Обусловленная социально-культурными структурами «машина желаний» конкурирует с человеком – аутентичным субъектом культуры и агентом интересубъективного общения.

Причем совокупность данных разрывов некогда единого информационно-коммуникативного поля не дает, на наш взгляд, очертаний однозначной прогрессирующей тенденции, а скорее создает картину кризиса, бифуркации. Элементы же (фрагменты) этой картины требуют внимательного анализа в плане их возможностей выступить основой для

воссоединения сознания, для вывода культуры из дисперсного состояния к состоянию новой конструктивной собранности.

Современное образование между тем демонстрирует в своем развитии тенденцию обратного направления: как и наука, являющаяся системно-содержательной основой институционализованного образования, оно эволюционирует к сумме осваиваемых полезных технологий, к фрагментарной дифференцированности знания, условно связываемой единством прагматических целей. Личность как целостность все больше ускользает из практики Школы; смысл как феномен целого все меньше попадает в поле проблематизации. Может создаться впечатление, что смысловые величины человеческого бытия тихо изъяты из образования, незаметно переданы каким-то другим, неформальным и недискурсивным, сферам культурной коммуникации. Формализуемой, дискурсивной, рациональной же остается здесь только препарируемая предметность мира, тематизируется только мир как осваиваемая фрагментарность. В сфере современного образования становится все более актуальной проблема, которая связана с отчуждением учащегося в процессе обучения от воспринимаемой и усваиваемой информации – отчуждения ребенка от содержания культуры, освоение которого и составляет образовательный процесс.

Реалии современного развития общества, а также возможные перспективы такого развития подталкивают к мысли, что для выхода цивилизации из надвигающегося системного кризиса должны активизироваться такие процессы и сферы человеческой деятельности, которые бы усилили процесс, направленный на развитие личности, способной к многогранному пониманию сложного мира-события, к творческому созиданию, к напряженному нравственному выбору.

Такая сфера, где сознание развивающейся личности находит органичную гармонию, известна давно – это сфера искусства. В плане воздействия на сознание искусство – это доводимая до совершенства магия интуиции. Его культурные функции многочисленны. В современном же мире особо актуализируется присущая ему эстетическая эвристика. «Искусство вообще способно расширять сферу и направлять способы чувствования – видения, ощущения, переживания человеком мира», – пишет М.К. Мамардашвили [2, с. 108]. В этой способности по-новому, свежо и живо открывать глаза человеку на мир справедливо видит философ особое назначение искусства. Именно в этой новизне мирозидания нуждается человеческое сознание, претендующее на творческую роль в мире; именно этого нового понимания и выражения смысла жаждет человеческая душа, пришедшая в мир, чтобы

осмыслить его; и именно такие качества открытого события осознания несет в себе искусство, преодолевающая в себе как ограниченную заданность рациональных стереотипов, так и предписанную нормативность традиционных установок. Искусство предстает сегодня не столько информативным и назидательным, сколько пробуждающим интуицию креативности.

Во второй половине XX столетия идет процесс переосмысления антропологической реальности; эта реальность все больше рассматривается не как некая трансцендентальная заданность, а как открытое событие смыслообразования и общения, как свободный «просвет бытия», допускающий, с одной стороны, озарение, а с другой – преобразование налично данного. Подвергаются переосмыслению при этом и принципы образования. В настоящее время в педагогических науках приветствуются такие принципы и методы, с помощью которых процесс обучения и воспитания выходит на новый уровень взаимодействия участников педагогического процесса, при котором учащийся и педагог становятся собеседниками и осуществляют межсубъектную связь в процессе воспитания и обучения. Фактор эффективности педагогического процесса такого типа – феномен рождения осмысляющего переживания в непосредственно складывающемся событии педагогического общения. От метафизической и гносеологической схемы *обучения* педагогическое сознание переходит к событийной логике собственно *образования* – смыслового складывания личности. Но этой, по типу своему эстетической логике события противостоит традиционная и базовая для современной школы дидактическая информация – информация, сложенная как жесткий сциентистский гносео-онтологический конструкт.

Достичь органичности включения сознания учащегося в образовательное событие, не создавая при этом эффекта отчуждения, по сути нельзя привычным путем навязанного запоминания дидактически спроектированного фактического материала науки. Необходим выход в сферу творческой самореализации ребенка. При этом одним из главных критериев информации является ее эмоциональная наполненность, доступность для восприятия, переработки и усвоения. Это критерий эстетического порядка, присущий прежде всего искусству, понятому не просто в качестве одной из форм отражения жизни, а в качестве уникального экспериментального поля для формирования человеческого мироощущения и миропонимания.

Именно таким, надо заметить, был в свое время эпохальный творческий эксперимент, предпринятый искусством модернизма в начале и первой половине XX в. Радикальный опыт в области эстетического чувства, на медленное освоение которого

миру пришлось затратить целое столетие, основывался на том, что на первый план вышла здесь не отражающая роль искусства, за которой стояла понятная и веками воспитанная «радость узнавания», а его обновляющая сознание миссия. Искусство взяло на себя роль открытия если не нового мира, то нового мироощущения, нового феноменального события, расширяющего горизонт осмысленности. Искусство выступило здесь как своего рода философия чувства, подвергшая сомнению основания очевидности и искавшая, а порой и находившая более глубокие основания явленности. Недаром творчество многих деятелей искусства этой эпохи шло рука об руку с концептуальным, теоретическим поиском. Эстетическая интуиция была здесь проводником для понятийной мысли, а концептуальное сознание конструировало выразительные формы. Искусство начало выполнять функции не только образно-эмоционального, но и интеллектуального амортизатора между реальностью и человеческим сознанием.

«Искусство, – писал Л. С. Выготский, – есть важнейшее средоточие всех биологических и социальных процессов личности в обществе, способ уравнивания человека с миром в самые критические и ответственные минуты жизни» [4, с. 14]. И понятно, что для большей части как творцов, так и «потребителей» искусства этот процесс уравнивания может быть реализован именно с помощью искусства столь же сложного и болезненного, как сама действительность, столь же пропитанного рациональной мыслительной работой, как и сама рационально конструируемая реальность радикально обновляемого мира.

История культуры последнего столетия продемонстрировала особые интегративные возможности искусства как посредника между разумом и чувством. А в способности к такой интеграции как раз и видится авторам статьи счастливая возможность объединения смыслового поля сознания человека, задания координат универсально информационной коммуникации культурного сообщества.

Искусство в XX в. действительно начинает претендовать на невиданную ранее универсальность. Оно стремится к организации единого метода, по аналогии с наукой. Прообраз такого синтетического метода сконструирован в романе «Игра в бисер» Г. Гессе. Это мечта о сверхметоде – о мощной интеллектуальной организации, которая с помощью формул, систем, знаков соединила бы все искусства и науку воедино не без помощи интуиции [5]. Г. Гессе пишет: «Игра в бисер – это универсальный язык и метод для выражения и приведения к общей мере всех интеллектуальных и художественных ценностей и понятий» [5, с. 65]. Это идея формирования интегративного сознания, остающаяся актуальной

для мира философии, науки, культуры и в XXI в.

Но минувший век дал и совершенно иное основание для генерализации сознания человечества – основание массовости и коммерчески значимой соблазнительной притягательности, которая разбирает человека-личность на отдельные органеллы и функционально соединяет их в глобальный, по-особому структурированный массив цивилизации [6].

В размышлениях философов, педагогов, психологов, социологов в последнее время все чаще звучит тезис о том, что складывающийся опыт сознания выходит за рамки образовательного процесса, а эстетические представления, равно как и интеллектуальные стереотипы формируются не только в формальном воспитательном процессе, носящем «институализированный» характер, но и в среде повседневного существования человека. Этот факт, однако, отнюдь не до конца еще осмыслен. Как справедливо указывает в связи с этим Е.Н. Шапинская, исследуя процессы формирования эстетического сознания в системе современной массовой культуры, «недостаточное внимание, а подчас и игнорирование этого факта ведет к разрыву между, с одной стороны, теорией и практикой эстетического воспитания, которая проходит через «легитимные» каналы – образовательные институты, культурные учреждения и т.д., и, с другой стороны, “энвайронментальным” фактором, влияние которого в эпоху медиатизации культуры неуклонно растет. Человек XXI столетия живет в медиатизированном пространстве и черпает значительную часть своих эстетических представлений именно из медиа-среды» [7]. При этом важно отметить, что информация, получаемая человеком в системе образования, с одной стороны, и в сфере окружающей его массовой культуры – с другой, принципиально отличается как в плане ценностных ориентаций, так и в плане протекания самих процессов смыслообразования.

Современное общество действительно становится все более обществом потребления, нежели обществом созидания. В этой сентенции можно заподозрить парадокс: ведь потребление возможно только на почве эквивалентного созидания. Однако цивилизация как форма аккумулированных созидательных усилий прошлого способна предоставить настоящему некий избыточный фонд конструктивных свершений, которым можно непосредственно воспользоваться, не задумываясь ни о его пополнении, ни о его скрытом устройстве. Символом такой аккумуляции созидания выступает сегодня техника. Но техника, выражающая избыток возможностей человечества, не превосходит ли уже в таком качестве возможностей человека управлять ею?

Действительно, научно-технический прогресс проник во все сферы жизни и, как мечтали его про-

возвестники и лидеры, должен был радикально оптимизировать жизнь человечества. Между тем техника дала человеку средства, которые он порой не в силах до конца контролировать. Символическим примером такого рода могут явиться современные средства массовой информации (СМИ), технически вооруженные структуры коммуникации, направленные в своем действии на культурное программирование человека. Человек – это и агент СМИ и их объект. Причем как субъект коммуникации он – и то и другое одновременно. Техника становится здесь основной структурой, а человек – включенным в нее элементом. Бессознательные структуры цивилизации начинают играть против человека. Он же превращается в массовидную основу построения этих структур.

С одной стороны, СМИ радикально усиливают коммуникативную систему, к которой подключено и которой пользуется человеческое сознание. С другой стороны, человеческое сознание теряет собственную аутентичность, будучи включенным в эту систему, перестает доминировать в качестве субъекта этой системы, незаметно подчиняется ее собственной логике – логике манипуляции сознанием. Субъект расслаивается на манипулятора и манипулируемого; и этот складывающийся таким образом общий смысл коммуникации подчиняет себе логику человеческого понимания – редуцирует культуру как высокую структуру смыслообразования, снижает смысловой статус информационных процессов.

Анализируя современную ситуацию, отражаемую во многих исследованиях и выступлениях, можно отметить, что общество сегодня в целом не контролирует процессы в информационной среде, интенсивно развертывающиеся на основе бурно развивающихся СМИ. Оно не может пока осмыслить этот процесс, опознать значение тенденций, не имеет критериев для адекватного анализа и оценки явлений.

Свидетельством этому является, как минимум, то обстоятельство, что состояние информационных процессов сегодня обществом в общем-то еще не оценивается как первостепенно важное; их значение в основном связывается с политикой («четвертая власть») и редко рассматривается в самостоятельном контексте среды обитания, влияющей на все стороны жизни и особенно на состояние культуры – той внутренней программы осмысления и деятельности, которая направляет человеческую жизнь и организует человеческое сообщество. Свидетельством этому является и неспособность четко отличить позитивные факторы информации от негативных – информацию от дезинформации, украшение от загрязнения, либерализацию от произвола вседозволенности, развлечение от растле-

ния, просвещение от манипуляции. Общество между тем озабочено маркировкой такого ряда границ; но попытки провести их очень сбивчивы, оптика различения не отлажена, в возникающих по этому поводу дискуссиях, как правило, не прослеживается соизмеримых оснований. Так остается неясной квалификация насилия на телевидении (границы этого феномена не проведены и твердо не обосновано, приносит ли его демонстрация вред). Так и не удается уверенно отмежевать эротику от порнографии как эстетически приемлемое от непристойного. Нет серьезных правовых механизмов для предотвращения дезинформативности СМИ; нет безотказно работающих критериев отделения лжи и инсинуации от тенденциозной интерпретации и от добросовестной объективности информации, на формальном сходстве с которой играет изощренная манипуляция сознанием. При этом институциональный формат контроля общества над стихийными и в то же время масштабными информационными процессами, осуществляемыми через сеть массовых коммуникаций, не определен и предстает дискуссионной проблемой, пути решения которой рассматриваются в очень широком диапазоне – от введения государственной цензуры до возложения регулирующей миссии на узкогрупповой вкус профессиональных корпоративных обществ.

Говоря обобщенно, несмотря на чрезвычайную значимость проблемы социального контроля над состоянием информационной среды обитания современного человека, обществом пока не найдены не только механизмы такого контроля, но и не освоены вполне общие координаты проблемы.

Одна из причин этого, как представляется, в том, что СМИ, как технически чрезвычайно усиленная система обмена информацией, способна создавать поток такой интенсивности и суггестивной действительности, который превышает возможности адекватного осмысленного восприятия человека. Включаясь в систему СМИ с ее массивом транслирования и быстро нарабатываемыми технологиями воздействия на ценностную сферу, мнения и внимание человека – то есть на те качества, формируя которые можно достигать непосредственного коммерческого эффекта, – человек оказывается относительно пассивным контрагентом взаимодействия. Он не способен самостоятельно осмыслить информацию, не успевает отразить воспринимаемое, его внимание становится увлекаемым и управляемым, а мнение ведомым. Он перестает выступать аутентичным субъектом коммуникативного процесса, а выступает в основном как объект воздействия.

Таким образом, прослеживается логика превосходства нарастающих возможностей СМИ по отно-

шению к ограниченным возможностям воспринять и осмыслить эту информацию ее потребителем.

Подобным же образом аргументирует свою точку зрения видный отечественный психолог В.П. Зинченко. Естественный процесс обработки человеком информации предполагает определенную оптимальную скорость. Медиа-техника же предлагает такой режим подачи информации, который не позволяет полноценно ее осмыслить, который способен подавить естественные психологические механизмы самостоятельного мышления.

Потребитель перестает выступать равноценным субъектом коммуникативного взаимодействия и оказывается объектом воздействия. В свою очередь, это воздействие теряет восходящий импульс приведения диалога к истине и к обобщающей, преодолевающей частности целостности смысла, восходящий смысловой мотив, характерный для «послания человечеству» (Ж.-П. Сартр), сегоущего доброе, вечное. Это воздействие начинает апеллировать к бессознательным свойствам человека-объекта, то есть неминуемо снижает уровень апелляции к смыслу, начинает сводиться к педальированию инстинктов. Именно эту тенденцию мы легко опознаем сегодня в продукции СМИ, а также в эволюции таких филиалов современных масс-медиа, как популярное искусство и шоу-бизнес, эту продукцию вырабатывающих.

Можно сказать, что технически и технологически оснащенная массовая информация именно захлестывает саму человеческую способность ее самостоятельно осмыслить. Информация в режиме коммуникации – то есть передачи ее от одного человеческого сознания к другому – захлестывает и подавляет информацию в режиме ее освоения – то есть свободного и аутентичного осмысления сознанием. Информация в ее обманчивой, подчиняющей сознание упаковке захлестывает культуру – этот выработанный код осмысления мира и осознанного освоения информации. Таким образом, на одной стороне коммуникативного процесса накапливается соблазнительно повышенный субъектный потенциал – потенциал смыслообразующего доминирования, намеренного воздействия и технологического овладения условиями процесса, а на другой стороне этот потенциал теряется. Здесь, напротив, растет зависимость от заданных коммуникативных условий процесса. И это происходит как раз пропорционально развитию технологий, создающих коммуникативные условия. Таким образом, процесс коммуникации превращается в процесс манипуляции, причем, как мы постарались показать выше, не вполне осознаваемой как со стороны индивидуального потребителя, так и со стороны общества в целом.

Манипулятивность – это одно из ключевых свойств современных технологий СМИ и вообще

производства продукции массовой культуры. Она строится на ненасильственном и даже в основном не на злоумышленном обмане: намерения и подлинные мотивы манипулятора скрыты от потребителя информации, тем более скрыт (или по технологии должен быть скрыт) способ психологически агрессивного воздействия – управления вниманием и сознанием в целом.

Манипуляция сознанием человека, как правило, развертывающаяся под лозунгами либерализма – свободы слова, вещания, эфира, вкусов и т.д., – на самом деле представляет собой категорическое противоречие идее свободы. Свобода как деятельностная аутентичность субъекта как раз теряется потребителем массовой информации, построенной по манипулятивному типу. Информационная манипуляция предстает как эффективная форма подавления свободы. Она-то и делает прессу СМИ «четвертой властью» – не столько властью общедоступной информации, необходимой для утверждения принципов демократии, в противовес элитарным властным структурам – суду, парламенту и правительству, сколько властью психологического воздействия, пришедшей на смену власти идеологии, власти экономического вынуждения и власти прямого насильственного принуждения. Информационная манипуляция как форма подавления свободы выполняет эту свою задачу наиболее незаметно и наиболее эффективно именно потому, что не дает этой субъектной свободе сложиться, замещает автономное смыслообразование субъекта-личности внушаемыми определениями желаний, вкусов (моды), политических мнений и т.д. Феномен информационной манипуляции символически выражает глубинное внутреннее противоречие либерально-гуманистической цивилизации как цивилизации эгоцентрического человеческого смыслообразования, стремящегося превратить в предмет и, тем самым, лишить собственной аутентичной свободы весь окружающий мир, включая и самого человека.

Контекст агрессивности данного феномена, его неподвластности социальному контролю объясняется еще и тем, что это относительно новый феномен, адекватная социальная реакция на который еще не произошла. Здесь загрязнение информационной среды формирования человеческого сознания можно сопоставить с загрязнением природной среды человеческого обитания: до недавнего времени прямые последствия технологического воздействия на природу не воспринимались как явления, угрожающие человеку; на постепенное осознание этого факта было потрачено много десятилетий. Общественная реакция тем не менее наступила, и все больше проявляется ее эффективность. Надо надеяться, что это же произойдет и с угрожающими явлениями и процессами в информационной среде.

Это произойдет тем быстрее, чем правильнее общество осознает значение информационной среды как среды формирования сознания, а не только среды практически значимых сведений для этого сознания, чем четче удастся представить структуру этой среды и связанных с ней процессов.

Исходя из всего сказанного, надо выделить серьезное, принципиальное отличие информации, порождаемой и тиражируемой системой СМИ, от информации, функционирующей в системе образования. Образование по определению самого этого понятия предстает как система выращивания, формирования человеческой субъектности. В некотором смысле субъектом процесса образования выступает сам адресат этого процесса – учащийся, – а информация предстает как осмысляемый и осваиваемый материал этого субъектного становления.

При этом совершенно наглядно видно различие в характере и направленности тех воздействий, которое, с одной стороны, составляет содержание образования и которое, с другой стороны, мы получаем через СМИ. Возвышающая воспитательная и научно обучающая функция образования контрастирует с развлекательной, сниженной до обыденного опыта и внушающей заведомо недобросовестно обозначенные ориентиры, намеренно искажающие реальные соотношения, стихией масс-медиа. Образование опирается на признанное классическим наследие культуры; масс-медиа создает продукцию популярного ряда, придающие ценность проявлениям некультивированной (вольной и вульгарной) человеческой природы. Образование, как и воспитание, нацелено на смысловую коммуникацию поколений и поэтому носит в той или иной степени традиционный характер, связанный, в том числе, с семейной коммуникацией. Это своего рода инвестиция общества в свое будущее. Французский исследователь этой проблемы П. Бурдье вводит понятие «академический капитал». Согласно Бурдье – это «продукт совмещенных усилий культурной трансмиссии через семью и культурной трансмиссии через школу» [8]. Он качественно отличен от популярного искусства и другой массовой информации, нацеленной на стимулирование и потребление удовольствий. Видный американский исследователь Дж. Фиске называет массовую информацию феноменом культурной экономики. «Это текст, – пишет он, – дискурсивная структура потенциальных значений и удовольствий, которая составляет основной ресурс популярной культуры» [9]. Для популярной культуры характерно смыслообразование на уровне повседневности, сведение горизонта значений до простых потребительских жизненных мотивов. Популярные тексты составляют часть повседневной жизни точно так же, как домашняя работа, рутинные поездки на работу, однообразие на рабочем

месте. С точки зрения культуры, это означает возможность, по словам Д. Харви, «избавляться от ценностей, жизненных стилей, устойчивых взаимоотношений, от привязанности к вещам, зданиям, людям и образу деятельности и существования» [10].

Образование и СМИ – это не только два разных канала информации и формирования сознания современного человека; это два разных направления такого формирования. В одном случае формируется развитая и высокая (иерархически построенная) структура смысла, структура ценностей и способность мышления; в другом случае в основе – спонтанно складывающаяся ситуативность, в которой пробиваются импульсы внимания и желания, придающие контексту характер игры смысла и бессмыслицы. (В исследовательской литературе справедливо подчеркивается внутренняя связь массовой культуры и философии постмодернизма; подчеркивание ситуативной игры смысла и бессмыслицы здесь – очевидная точка пересечения.) Справедливо говорить отнюдь не о взаимодополнении, а о конкуренции образования и масс-медиа в борьбе за сознание нового поколения. Причем едва ли не очевидно, что образование проигрывает в этом соревновании.

Система образования активно привлекает сегодня ресурсы медиа-технологий, и это формально сближает ее с системой масс-медиа. Можно представить себе относительно недалекое будущее, когда образование, став по преимуществу дистанционным, окажется одним из каналов разветвленной системы масс-медиа, основное отличие которого от рекламно-развлекательного массива сведется к тому, что образовательная коммуникация будет не столь доступной – требующей усилий, дозируемой и покупаемой. Все-таки образовательная информация нацелена на сформированный реально-прагматический подход адресата, тогда как рекламно-развлекательная коммуникация, напротив, стремится управлять сферой прагматики, задавая для этого виртуально притягательные контуры. Но если и

сама реальность в итоге окажется по преимуществу медиатизированно-виртуальной, можно ли будет тогда сформулировать социально контролируемый, институционально устойчивый стандарт образования? Не сведется ли тогда образовательная информация к совокупности инструкций по пользованию СМИ с их архивами и приложениями? Такого рода интеграция сферы образования и медиа-сферы приведет к растворению первой во второй.

Если человек как автономная смыслообразующая целостность растворяется в системе коммуникации с ее структурой, *образование* – в его исходном значении образования человеческой личности – теряет значение. На его место приходит *развлечение* – в категориальном смысле раздробляющего, фрагментирующего и редуцирующего человеческое существо вовлечения сознания в спонтанно эволюционирующий контекст естественной социальности. Искусство как искусство человеческого чувства и деяния вовлекается, аналогичным образом, в надчеловеческую структуру глобальной искусственности (техники). Наука как система представлений и понятий оказывается тогда справочным приложением к прагматике (технологии) цивилизационных функций.

Мы проследили здесь феноменальный ряд некоторых тенденций современности в плане выявления их скрытой противоречивости. В итоге важно вернуться к заданной в начале методологической перспективе. Сегодня мало понимать, что человек – существо социальное. Мало учитывать, что культура коммуникативна. Вопрос надо ставить в радикальной плоскости приоритетов: *человек и человеческое сообщество* или *общество* в его спонтанно развившейся натуральности; *культура* как основа понимающей коммуникации или *коммуникация как технология*, переваривающая в себе культуру, равную искусственности? От ответов на эти вопросы, которые должна дать современная философия, зависит реально складывающееся событие современности.

Литература

1. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996.
2. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафиз. рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997.
3. Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства. М., 2001. Т. 1. 1901–1914.
4. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968.
5. Гессе Г. Игра в бисер. М.; Харьков, 2003.
6. Массовая культура: Учебное пособие. М., 2003.
7. Шапинская Е.Н. Философия образования и эстетическое воспитание в США // Современный мир и эстетическое развитие человека. М., 1993.
8. Bourdieu P. Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. L., 1994.
9. Fiske J. Understanding Popular Culture. Boston, 1989.
10. Harvey D. The Condition of Postmodernity. Cambridge, MA and Oxford, UK, 1992.